

А.Н.Пятаков

Переизбрание президента: параллели, парадоксы, перспективы

В статье проанализированы результаты президентских выборов в Венесуэле, состоявшихся 20 мая 2018 г. Отмечены ключевые тенденции в политической жизни страны: сохранение преемственности в сочетании с относительной деполитизацией общественного сознания и фрагментацией оппозиционного лагеря. Даны характеристики «феномена Фалькона» и «феномена Бертуччи» как новых знаковых фигур на политической арене Венесуэлы. Проведен сравнительный анализ шести президентских кампаний с момента начала Боливарианской революции.

Ключевые слова: Венесуэла, президентские выборы, избирательная кампания, Мадуро.

DOI: 10.31857/S0044748X0000446-9

Прежде чем вникать в нюансы прошедших в Венесуэле 20 мая 2018 г. президентских выборов, целесообразно остановиться на некоторых общих моментах, которые позволят оценить их место и значение в контексте современного политического процесса в стране. Обычно подобными рассуждениями заканчивают статьи в качестве обобщающих выводов, нам же в данном случае представляется оправданным сделать обратный аналитический «ход». Нетипичная логика продиктована тем, что движение от общего к частному позволит затем, в завершение статьи, сосредоточиться на первых шагах переизбранного президента и ближайших политических перспективах всего боливарианского процесса.

Во-первых, прошедшие выборы, ставшие заключительным на данный момент аккордом острого политического противостояния, продемонстрировали высокую стрессоустойчивость и гомеостатичность политической системы, сформировавшейся в ходе Боливарианской революции. Вопреки «правому повороту» (или «дрейфу»)¹, доминирующему в последние годы в регионе, Венесуэле удалось удержать тенденцию преемственности. Основным «несущим элементом» политической системы остается исполнитель-

Андрей Николаевич Пятаков — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник ИЛА РАН (anpyatakov@yandex.ru).

ная власть в лице президентской администрации, тесно связанной с правящим блоком во главе с Объединенной социалистической партией Венесуэлы (Partido Socialista Unido de Venezuela, PSUV) и опирающейся, по формулировке Уго Чавеса и Николаса Мадуро, на «военно-гражданский союз». Столь четко обозначившаяся тенденция к преемственности дает основания утверждать, что потенциальной «ахиллесовой пятой» данной системы являются не внешние (санкции, дипломатическая блокада, угроза интервенции) или антисистемные (деятельность оппозиции) факторы, а возможные противоречия внутри нее самой, которые если и существуют, то находятся пока в латентном состоянии.

Во-вторых, результаты прошедших выборов, в частности, низкая явка, свидетельствуют о том, что общество переживает период спада политической активности. В настоящее время в Венесуэле имеет место своего рода «ползучая» деполитизация общественного сознания, которая в большей степени затрагивает оппозиционный сегмент, но частично и провластный. Вероятно, сказываются социально-психологическая усталость от предыдущих лет, политически бурных и электорально на редкость насыщенных*, а также переключение массового сознания на проблемы хозяйственно-бытовой сферы, актуализированные экономическими трудностями и бытовыми неурядицами вследствие затяжной политической борьбы, ухудшения внешних условий и дефектов государственного управления. Симптомом ослабления политической активности надо считать не только низкий уровень участия в выборах, но также и «Феномен Бертуччи». Этот бывший протестантский пастор, используя популистские приемы, пытался сыграть на настроениях потерявших интерес к большой политике граждан и тем самым, как ни парадоксально это звучит, политизировать деполитизированный электорат.

В-третьих, расстановка сил перед президентскими выборами 2018 г. и по их итогам в целом свидетельствует о существенной реконфигурации внутривнутриполитического пространства. Это первые с 2006 г. выборы, где не было фронтального столкновения кандидатов, олицетворяющих противоположные политико-экономические проекты. «Феномен Фалькона» демонстрирует появление на политической арене умеренной оппозиции нового типа. В какой-то мере это — «третья сила», позиционирующая себя одинаково враждебной и власти, и традиционной радикальной оппозиции. Процесс фрагментации правой оппозиции, вступивший в активную фазу после избрания в июне 2017 г. Национальной конституционной ассамблеи (Asamblea Nacional Constituyente, ANC) и достигший к майским выборам апогея, привел к тому, что наличие у оппозиции умеренного и радикального крыльев, ранее способствовавшее ее объединению, стало теперь фактором разлома и дезинтеграции.

Эти базовые тезисы, в наиболее общих чертах описывающие политическую ситуацию, сложившуюся к выборам, мы попытаемся далее рассмотреть на конкретном фактическом материале.

* Только за предшествующие выборам одиннадцать месяцев (с июня 2017 по май 2018 г.) состоялось три электоральных кампании: выборы в Национальную конституционную ассамблею в июне 2017 г., муниципальные выборы в октябре и региональные выборы в декабре 2017 г. Всего же с начала Боливарианской революции (1998 г.) нынешняя кампания — 24-я по счету. Факт, который в предвыборных выступлениях Н.Мадуро образно оценивался как заявка на включение в Книгу рекордов Гиннеса.

ПАРАДОКСЫ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ АРИФМЕТИКИ

Объективный и подробный анализ результатов нынешних выборов можно сделать только путем сопоставления с аналогичными прошлыми кампаниями. Выборы президента — это своеобразный смотр сил, что называется, игра по самым крупным ставкам. Недавно состоявшаяся, уже шестая за годы Боливарианской революции, президентская кампания чрезвычайно насыщена рекордами, противоречиями и парадоксами. Что касается рекордов, то, как видно из таблицы, даже Чавесу в период его политического расцвета не удавалось заручиться такой относительной поддержкой* активного электората, как это удалось Мадуро. Новый лидер на пять пунктов превзошел самый высокий показатель Чавеса образца 2006 г., собрав 67,8% голосов проголосовавших. Такой уровень относительной поддержки оказался рекордным не только по сравнению с аналогичными кампаниями периода Боливарианской революции, но и для всего периода демократического развития Венесуэлы, начиная с 1958 г. Это же относится и к уровню отрыва от ближайшего конкурента: разрыв между Мадуро и Энри** Фальконом составил более 4 млн голосов, между тем как в том же 2006 г. Чавес опередил Мануэля Росалеса на 3 млн. Имея в виду именно эти показатели, Мадуро на митинге после оглашения первых результатов квалифицировал одержанную победу не иначе как триумф. Однако в полном смысле слова результаты выборов, конечно, не столь радужны. Картину победы омрачает уровень явки, оказавшейся для боливарианских президентских выборов также рекордно низкой — 46,07%. При рассмотрении данного показателя надо учитывать, что это — «средняя температура по больнице»: показатели явки варьировались от штата к штату и даже от одного городского района к другому. Например, в штатах Тачира, Сулия и Мерида, управляемых оппозиционными губернаторами, явка составила 27,7%, 37,5% и 36,9% соответственно. И, наоборот, наиболее высокая явка зафиксирована в таких «чавистских» штатах, как Яракуй (65%), Кохедес (62,4%) и Дельта Амакуро (60,6%)². Практически пустые избирательные участки в зажиточных районах мегаполисов, в частности Каракаса, контрастировали с 80-процентным участием в ряде трущоб-барриос и «народных кварталов»³.

Надо отметить, что в Венесуэле, не имеющей минимального порога, ниже которого выборы считались бы недействительными, показатель явки является, как справедливо отметил эксперт портала «Nueva Sociedad» Осель Али Лопес⁴, не юридической, а скорее аналитической категорией. Но вместе с тем у явки есть и политическое измерение. Она дала оппозиционной прессе основание публиковать статьи с броскими заголовками, например: «Правительство повержено народом отсутствием его у избирательных урн»⁵.

* Под относительной поддержкой понимается процент проголосовавших за кандидата от числа пришедших к избирательным участкам; под абсолютной — процент сторонников от электората в целом.

** В самой Венесуэле Фалькона повсеместно называют Генри, на англо-американский манер.

**ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ ПЕРИОДА БОЛИВАРИАНСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ (1998—2018)**

	1998 г.	2000 г.	2006 г.	2012 г.	2013 г.	2018 г.
Победитель	У.Чавес	У.Чавес	У.Чавес	У.Чавес	Н.Мадуро	Н.Мадуро
Кол-во набранных голосов (человек)	3,67 млн	3,75 млн	7,3 млн	8,19 млн	7,5 млн	6,24 млн
Относительный уровень поддержки (% от числа проголосовавших)	56,2 %	59,7 %	62,8 %	55,07 %	50,6 %	67,84 %
Отрыв от ближайшего соперника (человек)	1 млн	1,39 млн	3 млн	1,59 млн	141,3 тыс.	4,31 млн
Отрыв от ближайшего соперника (% от числа проголосовавших)	16,3 %	22,2%	23,2%	10,7%	1,49 %	46,9 %
Электорат (человек)	11 млн	11,7 млн	15,7 млн	18,9 млн	18,9 млн	20,5 млн
Абсолютный уровень поддержки (% от электората)	33,3 %	32,0 %	46,3 %	43,3 %	39,7 %	30,4 %
Явка на выборы (человек)	6,98 млн	6,63 млн	11,7 млн	15,1 млн	15 млн	9,3 млн
Явка на выборы (% от электората)	63,4%	56,6%	74,7%	80,5%	79,69%	46,07%

Источник: таблица составлена автором по официальным данным Национального избирательного совета.

Низкая явка однозначно была интерпретирована оппозицией как собственная победа, как результат избранной стратегии бойкота выборов. Игнорирование президентских выборов было принципиальной линией правой оппозиции, отказавшейся от выдвижения консолидированной единой кандидатуры, а скорее всего, и неспособной на это. В электоральной истории Венесуэлы оппозиция не принимала участие в голосовании дважды — на парламентских выборах 2005 г. и на выборах в АНС в 2017 г., но на бойкот президентской кампании она не шла никогда. Характерно, что пропаганда неучастия в выборах не мешала оппозиционным СМИ на них зарабатывать: в канун голосования газета «El Universal» опубликовала в разделе рекламы⁶ подробные разъяснения того, как надо правильно голосовать. Своим бойкотом «Стол демократического единства» (Mesa de Unidad Democrática, MUD)*, с одной стороны, фактически вывел себя из поля ле-

* Обычно в российской латиноамериканистике MUD переводят как «Круглый стол демократического единства». Представляется, что при создании оппозиционной коалиции с прицелом на участие в выборах исходными для MUD были электоральные коннотации, не имеющие ничего общего с общепотребительными значениями понятия «круглый стол», поскольку в испанском имеется устойчивое словосочетание «mesa electoral» — «избирательный участок». Именно этот подтекст, скорее всего, и имелся в виду при разработке названия коалиции.

гальной конкурентной политики. С другой — обеспечил себе возможность извлечь политические дивиденды из пассивности избирателей, трактуя вызванное любыми причинами бездействие как политически ангажированное действие. Думается, что оспаривание противниками Мадуро его переизбрания на не предусмотренном конституцией основании

низкой явки потенциально имеет долговременный эффект и в будущем может быть задействовано как «политическое оружие». Пока это только декларации, но если оппозиция опять станет политически активной, то этот аргумент может быть использован на практике. При проведении внутривнутриполитического курса правительству, безусловно, следует учитывать возможность возникновения такой угрозы. Но вместе с тем, как ни парадоксально, именно низкая явка определила высокий процент поддержки Мадуро, поскольку от голосования воздержались в основном именно его противники. Если бы они пришли на избирательные участки, то расклад сил мог бы быть иным.

Мадуро и Чавес — вместе под тэгом «Вместе — мы больше»

Объективным индикатором, характеризующим реальный уровень поддержки победителя на выборах, является абсолютное число его сторонников, т.е. процент проголосовавших за него от общего числа электората. Обычно этот показатель неоправданно находится в тени, мы же попытаемся проанализировать его в международном контексте и в исторической венесуэльской ретроспективе.

На первый взгляд абсолютная цифра поддержки Мадуро на прошедших выборах выглядит чрезвычайно низкой: за него проголосовали 30,4% имеющих избирательное право. Следует отдать должное оппозиции: она верно почувствовала слабое место и не преминула акцентировать на нем внимание, правда, существенно исказив результаты. Факт низкой явки был интерпретирован оппозицией как безоговорочная косвенная победа над властью. 22 мая, когда уже был обнародован второй бюллетень подсчета голосов, газета «El Nacional» опубликовала заметку, в которой есть следующий абзац (приведем его полностью): «Количество голосов, присужденных Мадуро на этих выборах, — 6 205 875 с 98,7% подсчитанных актов голосования, согласно Национальному избирательному совету (Consejo Nacional Electoral, CNE), — едва составляет 26% от потенциально возможного. Эта цифра означает, что 72% венесуэльцев не поддерживает переизбрание президента. Это количество распределено между теми, кто голосовал за другого кандидата, и теми, кто не пришел на выборы»⁷. В этом фрагменте примечательны два момента. Во-первых, в действительности такое предварительное число голосов (итоговое составило 6 245 862) составляет 30,2% от

Столкновение агитации за Мадуро и Фалькона на улицах Каракаса

электората. Спрашивается, куда подевались 4%? Во-вторых, налицо тенденциозная попытка, продиктованная стремлением политизировать голоса воздержавшихся, записать в число противников переизбрания и тех, кто не голосовал. На самом деле большая часть этих «немых голосов» не принадлежит никому и свидетельствует лишь о факте растущей отстраненности народа от политики, о

феномене деполитизации общественного сознания, смещения интересов в социально-бытовую сферу. Такие оценки противоречат и формальной логике, и арифметике, но зато дают оппозиции основания для громких деклараций, рассчитанных на возрастание ее политического капитала. Подобные манипуляции свойственны несистемной оппозиции и в российской политической действительности и могут свидетельствовать о применении идентичных политических технологий в обеих странах.

Однако вернемся к анализу собственно показателя абсолютной поддержки. Надо сказать, что чрезвычайно низкое количество избирателей, поддерживающих кандидата-победителя, — это для мировых и латиноамериканских электоральных процессов последнего времени, скорее, норма, чем исключение. В 2014 г. в Колумбии президентом стал Хуан Мануэль Сантос с поддержкой 23,7% электората при явке в первом туре 40,6%. В Аргентине в 2015 г. Маурисью Макри получил в первом туре поддержку всего 26,8% (правда, во втором она возросла до 40%). В Чили Себастьян Пиньера в 2017 г. победил во втором туре с показателем 26,4%. В США Дональд Трамп победил Хиллари Клинтон, заручившись голосами 27,3% электората (примерно столько же набрал и Рональд Рейган в 1980 г.). На таком фоне 30,4% Мадуро выглядят приемлемо. Однако оправдывать низкую поддержку лишь международным опытом было бы не вполне корректно. Присмотревшись к панораме шести минувших электоральных кампаний в Венесуэле, мы обнаруживаем, что даже Чавес на пике своей популярности ни разу не был президентом абсолютного большинства. Максимальный уровень, которого ему удалось достичь, — 46,3% в 2006 г. Нынешние же показатели абсолютной поддержки Мадуро вполне сопоставимы с уровнем его предшественника в 1999 и 2000 гг. Поэтому было бы нелогично упрекать нынешнего венесуэльского президента в том, что он является «лидером меньшинства»: по отношению к общему числу граждан — это общая практика как для Венесуэлы, так и для большинства латиноамериканских стран и не только их. Но факт остается фактом: самый большой парадокс прошедшей президентской кампании состоит в исторически максимальном для боливарианской Венесуэлы разрыве между относительным (67,8%) и абсолютным (30,4%) уровнями поддержки избранного президента.

«ФЕНОМЕН ФАЛЬКОНА» КАК «ГЛАС ВОПИЮЩЕГО (О ДОЛЛАРИЗАЦИИ) В ПУСТЫНЕ»

Объяснить феномен низкой явки можно тем, что прошедшие выборы были по большому счету лишены интриги столкновения антагонистов, которая была характерна для большинства предшествующих президентских кампаний. В самом деле: в 2006 г. Чавес соперничал с Мануэлем Росалесом — единым кандидатом, поддержанным 43 оппозиционными партиями; в 2012 и 2013 гг. вначале Чавес, а потом Мадуро соперничали с Энрике Каприлесом как консолидированным представителем MUD⁸. Во всех трех случаях имело место фронтальное столкновение двух политических лагерей. Сейчас же соперником Мадуро стал Фалькон, которого по аналогии с понятием «двойной агент» можно назвать «двойным диссидентом». Даже поверхностный взгляд на траекторию его политической карьеры обнаруживает амбивалентность этого кандидата. До 2010 г. он был ортодоксальным чавистом. Фалькон вместе с Чавесом стоял у истоков Революционного боливарианского движения 200 (Movimiento Bolivariano Revolucionario-200, MBR-200), входил в состав ANC первого созыва (1999 г.) и принимал участие в разработке действующей Конституции; с 1999 по 2002 г. был координатором MBR-200 в штате Лара, при поддержке боливарианского «Движения за V Республику» (Movimiento V República, MVR) стал главой муниципалитета Ирибаррен в г. Баркисимето (2000—2008) — столицы штата Лара, а в 2008 г. был избран губернатором этого штата от PSUV. В 2010 г. он обратился к президенту с личным письмом, где заявил о выходе из PSUV, мотивировав такой шаг симптомами разложения партийных рядов. Фалькон основал собственную партию — Прогрессивный авангард (Avanzada Progresista, AP), которая затем влилась в MUD. Тут его ждал взлет по карьерной лестнице: на президентских выборах 2013 г. он был избран на внутреннем голосовании руководителем избирательной кампании Э.Каприлеса. Однако это удивительным образом не помешало ему переизбраться на губернаторский пост в штате Лара в декабре 2013 г. Тем не менее стать полностью «своим» для оппозиции ему так и не удалось. Самым точным описанием его положения является известный фразеологизм «свой среди чужих, чужой среди своих». Больше всего такой формат конкуренции напоминает выборы 2000 г., когда соперником Чавеса был Франсиско Ариас Карденас, ранее входивший в состав MBR-200, но затем примкнувший к оппозиции.

Фалькон не поддержал призыва бойкотировать выборы 2018 г., чем вызвал резкую критику в свой адрес со стороны правой оппозиции. Хотя непонятно, чем их не устроила его кандидатура: ведь, кроме него, у MUD не было ни организационных, ни политических возможностей для выдвижения единого претендента. Все оппозиционное политическое поле было расчищено от возможных лидеров либо властью, либо усилиями самих оппозиционеров: Леопольдо Лопес отбывает тюремный срок за организацию акций насилия; Энрике Каприлес лишен политических прав на ближайшие 15 лет по запросу казначейства за махинации с бюджетными средствами; Лоренсо Мендоса, глава крупнейшего в стране агрохолдинга «Polar», на которого оппозиция возлагала большие надежды, поставил бизнес-карьеру выше политических амбиций и отказался баллотироваться; наконец, Мария Корина Мачадо выступила с критикой MUD за проигрыш на губернатор-

«Будущее принадлежит нам» — агитация перед CNE

ских выборах 2017 г. и теперь вместе с Антонио Ледесмой руководит небольшой партией «Пойдем, Венесуэла!» («Vente Venezuela»), входящей в оппозиционный блок «Я — Венесуэла» («Soy Venezuela»). Разобщенность оппозиции проявилась и в факте отсутствия единого мнения по поводу бойкота. Показательно высказывание Хесуса Торреальбы в канун выборов на страницах газе-

ты «El Universal», опубликовавшей подборку мнений политически значимых персон. Политик, занимавший пост генерального секретаря MUD в течение двух с половиной лет в период наивысшей активности блока (2014—2016 гг.), агитировал за участие: «Голосовать — не значит относиться с презрением или отвергать позицию международного сообщества и борьбу демократического венесуэльского народа; наоборот, это означает сказать всем народам и правительствам мира, что здесь мы готовы сокрушить режим по всем направлениям. Мы собираемся голосовать, потому что голос — это право, которое у меня не отнять ни уловками Мадуро, ни непоследовательностью руководства оппозиции»⁹.

В условиях разобщенности оппозиции Фалькон стал первым официально зарегистрированным кандидатом на пост президента. Его решение оказалось чрезвычайно выгодным власти: своим участием он создал конкуренцию Мадуро и тем самым легитимизировал сами выборы. Безусловно, нет оснований считать его кандидатуру зависимой от власти, но складывается устойчивое ощущение, что, решив пойти вразрез тактике ядра оппозиции, Фалькон в какой-то степени объективно подыграл Мадуро. Без его участия нынешние выборы не состоялись бы в том конкурентном формате, в котором они де-факто прошли.

Весьма любопытно то, как воспринимают Фалькона в стане оппозиции. В канун выборов на страницах оппозиционных газет шли ожесточенные споры: остался ли он чавистом или нет. Вот пример аргументации в пользу того, что оппозиции нужно использовать его чавистский политический капитал: «Э.Фалькона обвиняют в том, что он — чавист, но он единственный значимый политик оппозиции, который вышел из рядов чавизма, и вышел, чтобы защищать частное предпринимательство»¹⁰. Если говорить о способах этой защиты, то нельзя пройти мимо ключевого предложения его предвыборной кампании — долларизации венесуэльской экономики. Перед выборами в Каракасе то и дело встречались его предвыборные билборды с надписью: «Долларизация — сейчас же». Официальная пропаганда довольно едко критиковала такое обещание, зачастую иронично искажая его имя, видимо, пытаясь сконструировать «мемы»: то «Falsón» (от исп. «falso» — фальшивый, ложный), то «FalTrump» (ставя фамилию президента

США вместо испанского окончания «соп», по буквальному значению аналогичного русскому предлогу «с», намекали на близость Фалькона к Трампу). Более непопулярного обещания трудно было найти. Этот лозунг, может быть, и был близок крайне немногочисленным представителям предпринимательских кругов и узкой части бюрократии, связанным с долларовыми потоками от импорта, а также втянутой в контрабанду части низов; но массовый избиратель остался глух к этому призыву. Если Фалькон и его команда надеялись на то, что простой гражданин начнет относиться к доллару, как к запретному плоду, то они просчитались. Большинство венесуэльцев действительно в глаза не видели американские купюры, никогда не держали их в руках, поэтому в народе относились к доллару, как к чему-то чуждому, даже враждебному. Фалькон рассчитывал, что призывом к долларизации он сможет перевесить чашу весов бойкота и сагитировать в свою пользу сторонников MUD, но для них он ассоциировался не столько с долларизацией, сколько с тянущимся за ним шлейфом чавизма.

Симон Боливар — последний в очереди на избирательный участок

Если посмотреть на предложение о долларизации с экономической точки зрения, то станет понятно, что это — верный путь к усилению зависимого положения Венесуэлы без всякой гарантии ее выхода из кризиса. Вряд ли данная мера решила бы проблемы большинства граждан (пример долларизованных Панамы, Сальвадора и Эквадора не внушает особого оптимизма), скорее лишь облегчила бы операции с долларами для небольшого кластера предпринимателей и всякого рода криминала. По существу обещание скорейшего перевода экономики на валюту США носило ярко выраженный популистский характер: любым путем решить проблему острого дефицита наличности. Куда интереснее выглядит предложение разрешить ее же путем пусть медленных и долгосрочных, но институциональных реформ, выдвинутое четвертым кандидатом в президенты — Рейнальдо Кихадой. Ключевым моментом его кампании было стремление изменить конфигурацию государственных институтов и к уже существующим пяти ветвям власти добавить шестую — монетарную. Р.Кихада критиковал правительство за излишнюю централизацию полномочий исполнительной ветви власти и предлагал создать новый центр принятия финансовых решений, независимый от президента. Трудно сказать, в какой мере такой механизм оказался бы эффективным, но ясно одно: это путь глубинных реформ национальных государственно-финансовых институтов, а не прямое подчинение внешнему монетарному управлению, как предлагал Э.Фалькон. Кихаду, тоже бывшего сторонника Чавеса и ранее члена PSUV, возглав-

Машина для голосования на одном из избирательных участков

кампании на встрече с представителями международного сопровождения, в которой участвовал автор настоящей статьи, упрекнул власть в том, что выборы назначены на наиболее удобный и благоприятный для нее момент. Казалось бы, сам Фалькон поддержал выборы, и сомнениям места нет, однако такой взгляд довольно типичен для сомневающих, поэтому тут стоит разобраться. Дело в том, что созыв внеочередных президентских выборов был одним из центральных требований оппозиции после избрания Мадуро главой государства в 2013 г. Именно с этой целью была развернута кампания за проведение референдума об отзыве президента в 2015—2016 гг. Первую волну уличного насилия и радикальных протестов в 2014 г.¹¹ можно квалифицировать как подготовительную перед досрочными выборами. «Если вы хотите мира и спокойствия, то поддержите нашу стратегию!» — именно так обращались к гражданам представители радикальной оппозиции. И, наоборот, радикальные протесты второй волны в первой половине 2017 г. стали своеобразной мстостью за срыв планов референдума¹². После объявления 1 мая 2017 г. о проведении выборов в ANC роль протестов изменилась и стала заключаться в том, чтобы отпугнуть граждан от участия в голосовании.

Оппозиции можно бросить ее же упрек в стремлении максимально использовать наиболее выгодный и благоприятный для себя момент, после того, как она в 2015 г. получила большинство в Национальной ассамблее и тем самым почти полный контроль над законодательной ветвью власти¹³. Однако мы подобного упрека выдвигать не станем, поскольку тактическая целесообразность и стремление максимально использовать благоприятные условия — это само собой разумеющиеся вещи в практической политике. Можно сказать, что власть, назначив досрочные выборы, пошла навстречу оппозиции в реализации одного из главных ее требований. Более того, сначала ведущие партии MUD согласились на перенос голосования с декабря 2019 г. (когда и должен был закончиться мандат Н.Мадуро) на более ранний срок. В повестке переговоров начала 2018 г. ключевым пунктом была именно хронология выборов. Оппозиция настаивала на дате, отвечавшей ее интересам, — 10 июня 2018 г.¹⁴. Однако в начале февраля, когда позиции, казалось бы, были согласованы, и правительство и оппозиция собирались под-

лявшего леворадикальную партию Народное политическое единство 89 (Unidad Política Popular 89, UPP-89), поддерживала в основном творческая интеллигенция левых взглядов. Его электорат оказался чрезвычайно узок — чуть более 36 тыс. (0,39%).

Возвращаясь к фигуре Фалькона, надо отметить, что и в его лагере не было единства мнений. Например, один из участников его предвыборной

писать в Санто-Доминго соглашение о назначении выборов, представители MUD резко изменили свое решение, отказавшись ставить подпись под готовым документом. Его подписали только четыре оппозиционных партии, которые в последующем и поддержали кандидатуру Фалькона. Таким образом Фалькон фактически доказал способность оппозиции договариваться, но, будучи сразу же отвергнутым MUD, в итоге оказался в относительной изоляции.

Идет подсчет голосов, за которым следят международные наблюдатели

Таким образом, очевидно, что Фалькон — довольно сложная и противоречивая фигура на политической арене Венесуэлы. Именно он сейчас олицетворяет умеренную оппозицию и, похоже, только у него остаются шансы закрепиться в правовом поле легальной избирательной политики. Остальная часть правой оппозиции либо готовится к новым попыткам неконституционной смены власти, либо начинает осознавать, что фактически находится в политическом вакууме. В среднесрочной перспективе ей вряд ли удастся преодолеть фрагментацию и центробежные тенденции, к тому же подкрепленные нарастающей деполитизацией венесуэльского общества.

ЛИКИ ДЕПОЛИТИЗАЦИИ И «ФЕНОМЕН БЕРТУЧЧИ» КАК БОРЬБА ЗА ГОЛОСА НЕ ВЕРЯЩИХ В ПОЛИТИКУ

Одним из ярких проявлений деполитизации общественного сознания было царящее на улицах обычно накаленного предвыборного и поствыборного Каракаса абсолютное спокойствие, свидетелем которого стал автор статьи. После объявления официальных результатов голосования, несмотря на декларации об их непризнании со стороны всей оппозицией, бойкотировавшей выборы, не было даже намеков на акции протеста.

Значительное снижение интереса к большой политике проявилось и в уменьшении на 1,2 млн числа голосов, отданных за Мадуро. Он сохранил свой «ядерный» электорат, но нарастить уровень поддержки ему так и не удалось. Одним из аспектов предвыборной стратегии PSUV была так называемая карнетизация — выдача удостоверений члена партии всем желающим. К началу кампании число формальных членов PSUV достигло беспрецедентно высокого уровня — 6,4 млн, однако следует признать, что достигнуто оно было механическим путем: убежденность, лояльность и политическое прошлое в расчет не брались. Кто-то пустил слух, что за обладание членским билетом PSUV будут выдавать бытовую технику по пре-

ференциальным ценам, однако официального подтверждения или опровержения этого не было. На волне искусственно созданного потребительского ажиотажа возросли потоки желающих получить членский билет. Тактика предвыборной команды Мадуро состояла в формуле «1+1», согласно которой каждый член PSUV должен был привести на избирательный участок еще одного человека. Во времена Чавеса электоральная тактика обычно строилась по формуле «1+10». В первом и во втором случаях цель состояла в достижении уровня поддержки в 10-12 млн избирателей. Результаты выборов показали, что Мадуро и его команде желаемого добиться не удалось. Уменьшение числа голосов за кандидата власти вкупе с низкой явкой являются проявлением феномена деполитизации: если уж на важнейших президентских выборах власть, как и оппозиция, не смогла мобилизовать и расширить свой электорат, значит, происходят некие глубинные общественные процессы, связанные со снижением интереса к политике.

В этой связи представляется чрезвычайно любопытным феномен Хавьера Бертуччи — в прошлом предпринимателя и бывшего пастора протестантской пятидесятнической церкви «Мараната» («Igreja Cristã Maranata»). Он довольно мощно вошел на политическую арену Венесуэлы, набрав почти миллион голосов (988,7 млн, 10,8%), и поэтому заслуживает отдельного рассмотрения. В какой-то степени электоральному успеху Х.Бертуччи способствовала позиция католической церкви. Епископат, конечно, открыто его не поддержал и не мог поддержать, но косвенно повлиял на явку на выборы верующих. Дело в том, что католическая церковь, традиционно поддерживающая правую оппозицию, на этот раз не присоединилась к бойкоту. 17 мая архиепископ Каракаса Хорхе Уроса Савино заявил: «Пусть каждый участвует или не участвует в выборах согласно его убеждениям»¹⁵. Возможно, это была запоздалая попытка хотя бы ослабить конфессиональный «дрейф» электората: неучастие католиков в голосовании повышало долю избирателей протестантского пастора. Судя по итогам голосования, большинство недовольных и индифферентных граждан не прислушалось к призыву прелата, и в итоге кандидат-пастор только выиграл.

Пакет предвыборных обещаний Бертуччи сильно походил на предложения Фалькона. Бывший пастор обещал открытие «гуманитарного канала» для поставки в страну продовольствия и медикаментов, сотрудничество с международными финансовыми организациями для привлечения инвестиций и т.п. Но главным в его предвыборной кампании является не столько содержание предложений, сколько риторика и стиль подачи информации. Вот пример его высказываний, сделанных на митинге по случаю закрытия предвыборной кампании: «Грядут лучшие дни для нашей страны, то, чего мы ждали годами. Я это чувствовал во всех штатах, где был, чувствовал любовь народа, который хочет перемен». Бертуччи обещал вернуть венесуэльцам радость и надежду: «Дайте мне год, и вы увидите крепкую экономику и иную страну»¹⁶. Фактически он ратовал за «все хорошее для всех», используя ораторский опыт религиозного проповедника. Показательно и название партии, выдвинувшей пастора, — «Надежда на перемены» («Esperanza por el Cambio»); в нем отсутствует указание на какую-либо политическую принадлежность — идеальное наименование для религиозной секты. Венесуэльский феномен Бертуччи — частный случай общелатиноамериканского феномена.

риканской тенденции к возрастанию политического влияния протестантизма. В настоящее время в регионе функционирует около 19 тыс. только неопятидесятнических церквей с паствой в 100 млн верующих¹⁷. Помимо размывания традиционных для континента католических традиций, такой взлет протестантизма имеет и политический эффект¹⁸.

Хавьер Бертуччи среди своих избирателей

Из адептов неопротестантизма вышел ряд крупных политиков, обычно правого толка. Среди них — Марсело Кривелла, епископ «Универсальной церкви Царства божия» («Iglesia universal del Reino de Dios»), избранный в 2016 г. мэром Рио-де-Жанейро, а также Фабрисо Альваро, певец и член евангелистской партии «Национальное возрождение» («Restauración Nacional») в Коста-Рике, прошедший в феврале 2018 г. во второй тур президентских выборов с 39% голосов. Бертуччи принадлежит к политикам этой новой право-религиозной волны, которая постепенно набирает обороты в регионе. Выдвижение подобной кандидатуры нетипично для Венесуэлы. Последний случай, когда на электоральную арену выходил столь же «антиполитический» претендент, был в 1998 г. и не имел отношения к религии: тогда на президентское кресло параллельно с Чавесом пыталась претендовать бывшая победительница конкурса красоты Ирене Саес. Феномен Бертуччи, органично вписывающийся в обозначенную выше тенденцию политизации религиозных течений — весьма тревожный симптом внутривнутриполитической ситуации. Став по итогам выборов третьей силой на электоральном поле, евангелистский пастор воплощает стремление к мобилизации того электората, который либо никогда не имел, либо уже утратил интерес к политике, а также тех, кто разочаровался в традиционных политиках и ищет чего-то новенького.

Если правую оппозицию можно назвать антисистемной политической силой, то политиков в духе Бертуччи — внесистемной. Это — выходцы из сфер, не имеющих прямого отношения к политике, но вопреки логике входящих в нее с большим резонансом. Есть одиозные и вопиющие случаи, например, избрание президентом Гаити в 2011 г. поп-музыканта Мишеля Мартелли, получившего известность под псевдонимом «Сладкий Микки», а затем в 2016 г. — президентом Гватемалы телекомик Джимми Моралеса. Бертуччи принадлежит к подобному типу политиков, и не учитывать его возрастающего влияния во внутривнутриполитической жизни уже невозможно.

«ВТОРОЙ ДЕБЮТ» МАДУРО: ПЕРВЫЕ ХОДЫ И ПРИБЛИЖЕНИЕ МИТТЕЛЬШПИЛЯ

С переизбранием Мадуро начался его, по меткому выражению венесуэльского писателя Луиса Брито Гарсиа, «второй дебют»¹⁹. Первый прези-

дентский мандат прошел в крайне сложных политических условиях, и теперь во многом приходится начинать, что называется, «с чистого листа». Ключевыми пунктами предвыборной кампании Мадуро были три положения: необходимость «нового начала», императив «экономической революции» и проведение внутривластного национального диалога с целью достижения мира в стране. В основу этих обещаний был положен разработанный заранее «План Родина 2019—2025», созданный на основе 30 тыс. предложений, выдвинутых народными ассамблеями с участием 5 млн венесуэльцев²⁰. Уже после избрания Мадуро обозначил шесть ключевых направлений, по которым будет работать его кабинет: диалог в Венесуэле для достижения мирного развития; движение к новой производственной модели на основе диалога с предпринимательскими кругами; новая фронтальная борьба с коррупцией; социальная защита широких слоев населения и продолжение практики выплаты денежных бонусов; защита нации перед внешними угрозами; подтверждение курса на строительство социализма, направленного на благополучие венесуэльского народа²¹. Обращает на себя внимание последний пункт, перекликающийся с недавней конституционной реформой в Китае, где в текст Основного закона внесен тезис о «социализме с китайской спецификой в новую эру»²². В июле 2018 г. планируется провести четвертый национальный конгресс PSUV, на котором в числе прочего будут обсуждаться и эти шесть направлений.

Через несколько дней после выборов Мадуро издал декрет об освобождении 43 политзаключенных, частично исполнив одно из предвыборных обещаний Фалькона. Тем самым был дан сигнал о готовности правительства к мирному диалогу и сотрудничеству. Впрочем, оппозиция продолжает настаивать на снятии ареста с остальных 350 лиц, взятых под стражу по политическим причинам, и сделанные уступки вряд ли послужат основанием для начала переговоров с ее стороны.

На внешнеполитической арене наиболее заметны следующие два момента. Во-первых, первым президентом, с которым Мадуро встречался после переизбрания, стал новый глава кубинского государства Мигель Диас-Канель, прибывший в Каракас 30 мая 2018 г. Из этого следует, что кубино-венесуэльский альянс остается приоритетом внешней политики²³. Во-вторых, Мадуро выступил с предложением создать Международный фронт солидарности с Венесуэлой как своеобразную антитезу «Группе Лимы» «на фоне усиливающейся международной изоляции»²⁴. Кроме того, следует учитывать нарастающие тревожные политические тенденции в ранее спокойных странах — партнерах Венесуэлы по Боливарианскому альянсу — Боливии²⁵ и Никарагуа²⁶, где происходит резкая активизация протестных настроений. В условиях «правого поворота» данная инициатива выглядит на первый взгляд эфемерной. Но ее можно интерпретировать как подачу международного сигнала в свете выборов в Колумбии и Мексике*, где

* По итогам второго тура выборов, состоявшихся 17 июня 2018 г., в Колумбии президентом был избран правый кандидат Иван Дукэ (53,9%). Отрыв от оппонента Густаво Петро (41,8%) составил 2,3 млн голосов. В Мексике 1 июля 2018 г. главой государства избран кандидат левоцентристской коалиции MORENA Андрес Мануэль Лопес Обрадор (52,9%). Сдвиг влево во второй экономике Латинской Америки является симптомом торможения текущего «правого поворота» в регионе.

кандидаты от левых коалиций имели серьезный вес, и особенно предстоящих в октябре 2018 г. выборов в Бразилии. Здесь по всем рейтингам лидирует экс-президент, а ныне де-факто политзаключенный Луис Инасио Лула да Силва, переживающий взлет популярности в политическом вакууме, образовавшемся после импичмента 2016 г.²⁷. Поддержка хотя бы одного из южноамериканских гигантов, уже имевших сходный с Венесуэлой опыт социальных реформ²⁸, придала бы озвученной Мадуро инициативе реальные перспективы.

Самый заметный внутривластный шаг президента — это новые назначения и перестановки в правительстве, осуществленные 14 июня 2018 г. Все министерские посты, которые занимают военные, остаются за ними. Это же касается министерства финансов и экономики, возглавляемого молодым технократом Симоном Серпой. Основная перестановка произошла в министерствах, связанных с социальной сферой, причем на ряд постов назначены женщины. Феминизация и омоложение состава кабинета министров стали главными тенденциями осуществленных перестановок.

Но ключевым моментом перемен стал экономический блок. Вновь созданное министерство промышленности и национального производства возглавил перемещенный с поста вице-президента Тарек Эль-Айссами, который параллельно будет руководить президентской комиссией по экономическим вопросам. Его назначение на два важнейших поста может означать делегирование ему практической всей полноты исполнительной власти в области экономики и подтверждает исключительную близость Айссами к президенту страны. Следует отметить также взаимопонимание между главами двух ключевых экономических министерств — С.Серпой и Т.Эль-Айссами; они — единомышленники, имеющие общее видение ситуации, поэтому можно рассчитывать на взаимодополнение их ведомств и прогнозировать кумулятивный эффект от их сотрудничества. Уже обозначена первая задача нового министра — провести тотальную ревизию и реструктуризацию в госсекторе, в ее рамках будут подвергнуты обновлению 720 государственных предприятий. Таким образом, в первом приближении начинается отчасти сбываться прогноз об императиве укрепления прогосударственной стратегии как возможного выхода из сложившейся экономической ситуации²⁹.

Однако главный внутривластный вызов, на который придется ответить президенту во время второго мандата, связан, как ни парадоксально, с Национальной конституционной ассамблеей. Вкратце напомним о коллизии «первого дебюта» правительства Мадуро и роли нового государственного органа в ее разрешении. Впервые за всю историю Боливарианской революции президенту пришлось столкнуться с ситуацией, называемой в современной политической конфликтологии «разделенной властью»³⁰. Избранный в 2015 г. оппозиционный состав Национальной ассамблеи взял курс на конфронтацию и в дальнейшем на смещение законно избранного президента. Эта стратегия была дополнена волной уличного насилия в первой половине 2017 г. В острейшей политической ситуации президент принял единственно возможное решение — назначить выборы в ANC согласно полномочиям главы государства, предусмотренным 348-й статьей конституции. Этот шаг, с нашей точки зрения, можно считать проявлением политики как искусства возможного. Казалось бы, ситуация была тупиковой,

агрессивность протестов нарастала. Но после выборов в АНС, состоявшихся 30 июня 2017 г., буквально на следующий день уличные акции насилия стихли словно по «мановению волшебной палочки». Новый государственный орган как бы встал над конфликтом, юридически он представляет собой силу, которой подчиняются и президент, и парламент. Для подтверждения такого исключительного статуса АНС приведем текст 349-й статьи Конституции Венесуэлы: «Президент Республики не может возражать против новой Конституции. Сформированные органы власти не могут ни в какой форме препятствовать решениям Национальной конституционной ассамблеи»³¹. Таким образом, де-юре полномочия АНС стоят выше и президентских, и парламентских, она обладает самой широкой полнотой власти. Однако АНС не может функционировать чрезмерно долгое время, хотя точные сроки ее полномочий в Конституции не определены. В августе 2017 г. сами члены АНС установили срок в два года, однако они же имеют право и продлить его. Но продление может обернуться уже третьей волной уличного насилия. Рано или поздно придется проводить общенациональный референдум по новой Конституции. И это можно считать основным на данный момент вызовом власти. Если удастся пройти этот «рубикон», тогда дальнейшие политические перспективы правительства Мадуро определятся более четко. Предсказывать развитие событий дальше этой условной временной точки — референдума — представляется преждевременным.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

¹ З. В. И в а н о в с к и й. Латинская Америка на перепутье. Изменения в расстановке политических сил. — Свободная мысль, 2-17, № 1 (1667), с. 177-192. [Ivanovskij Z. V. Latin-skaja Amerika na pereput'e. Izmeneniija v rasstanovke politicheskikh sil [Latin America at the cross-roads. Changes in the political landscape]. Svobodnaja mysl', 2-17, № 1 (1667), p. 177-192; V.L.J e I f e t s, L.S.J e I f e t s. Particularidades y perspectivas del resurgimiento del «fénix de la derecha» en América Latina — Iberoamérica, 2016, № 3 (82), p. 34-60; А.С.Ш и ш к о в. Правый поворот? К вопросу о смене политического цикла в Латинской Америке — Проблемы национальной стратегии, 2017, № 4 (43). с. 48-61. [Shishkov A. S. Pravij povorot? K voprosu o smene politicheskogo cikla v Latinskoj Amerike] [Right Turn? Revisiting the Political Cycle Alternation in Latin America]. Problemy nacional'noj strategii, 2017, № 4 (43). p. 48-61.

² El Universal. Caracas, 18 de mayo de 2018. Año CIX, № 38.094. p. 2-3.

³ Available at: <http://www.rebelion.org/noticia.php?id=242801&titular=el-sistema-electivo-venezolano-no-deja-lugar-a-ning%FA-n-tipo-de-fraude-> (accessed 12.06.2018).

⁴ O.A I i L o p e z. Un resultado multifuncional. Mayo, 2018. Nueva Sociedad. Available at: <http://nuso.org/articulo/un-resultado-multifuncional/> (accessed 15.06.2018).

⁵ El Nacional. Caracas, 21 de mayo de 2018. LXXII, #26.881. p. 2.

⁶ El Universal. Caracas, 22 de mayo de 2018. Año CIX, № 38.098. p. 1.

⁷ El Nacional. Caracas, 22 de mayo de 2018. Año LXXII, #26.882. p. 3.

⁸ Э.С.Д а б а г я н. Электоральные кампании 2013 года в Венесуэле. — Иberoамериканские тетради, 2014, № 3 (5), с. 32-43. [Je.S.D a b a g j a n. Jelektoral'nye kampanii 2013 goda v Venesujele] [Electoral campaigns of 2013 in Venezuela]. Iberoamerikanskije tetradi, 2014, № 3 (5), p. 32-43.

⁹ El Universal. Caracas, 19 de mayo de 2018. Año CIX, № 38.095. p. 3.

¹⁰ El Universal. Caracas, 17 de mayo de 2018. Año CIX, № 38.093. p. 7.

¹¹ V.L.S e m e n o v. Venezuela: conflicto del «Proyecto Bolivariano». — Iberoamerica, 2017, №1, p. 28-51.

¹² В.Хейфец, Л.Хадорич. Кризис в Венесуэле и региональная интеграция. – Мировая экономика и международные отношения, 2017, № 5, т. 61, с. 80. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-5-79-87 [V.Hejfec, L.Hadorich. Krizis v Venesujele i regional'naja integracija [Crisis in Venezuela and regional integration]. Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija, 2017, №5, т. 61, р. 80.

¹³ Д.М.Розенталь. Образ страны. Рассуждение о «мягкой силе» Венесуэлы. — Латинская Америка, 2016, №11, с. 68-80. [Rozenal' D. M. Obraz strany. Rassuzhdenie o «mjagkoj sile» Venesujely.] [The image of the country. Some reflections about the «soft power» of Venezuela]. Latinskaya Amerika, 2016, № 11, p. 68-80.

¹⁴ Available at: <https://www.nodal.am/2018/02/venezuela-elecciones-22-abril-fracaso-del-dialogo-e-incertidumbre-hara-la-oposicion/> (accessed 13.06.2018).

¹⁵ El Universal. Caracas, 17 de mayo de 2018. Año CIX, №38.093. p. 1-2.

¹⁶ Ultimas Noticias. Caracas, 17 de mayo de 2018. Año 77, № 30409. p.9.

¹⁷ Available at: <http://www.celag.org/iglesias-evangelicas-poder-conservador-latinoamerica/> (accessed 15.06.2018).

¹⁸ Е.С.Галибина - Лебедева. Формирование евангелических христианских церквей. — Латинская Америка, 2018, № 6, с. 87-99. [E.S.Galibina-Lebedeva. Formirovanie evangelicheskikh hristianskih cerkvej] [Evangelical Christian churches formation. Afro-American community in the USA and the Caribbean]. Latinskaya Amerika, 2018, № 6, p. 87-99.

¹⁹ Available at: https://luisbrittogarcia.blogspot.com/2018/05/segundo-debut_50.html (accessed 15.06.2018).

²⁰ Available at: <https://www.telesurtv.net/news/venezuela-candidatos-presidenciales-propuestas-20180418-0022.html> (accessed 15.06.2018).

²¹ Available at: <http://www.psu.org.ve/portada/nicolas-maduro6-lineas-acciongobierno/> (accessed 15.06.2018).

²² Available at:<http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/-novaya-era-si-tszinpina-razvitie-knr-i-peremeny-v-mezhdunarodnykh-otnosheniyakh/> (accessed 15.06.2018).

²³ А.В.Борейко. Куба и Венесуэла: взаимовыгодное сотрудничество в социально-экономической сфере — Латинская Америка, 2016, № 6, с. 61-71. [A.V.Borejko. Kuba i Venesujela: vzaimovyygodnoe sotrudnichestvo v social'no-jekonomicheskoy sfere] [Cuba and Venezuela mutually beneficial cooperation in the socio-economic sphere]. Latinskaya Amerika, 2016, №6, p. 61-71.

²⁴ Т.А.Воротникова, М.-А.М.Кодзоев, Д.В.Разумовский, Д.М.Розенталь. Кризис левых режимов в Латинской Америке: внутренние императивы и внешняя проекция. — Politbook, 2017, №4, с. 179—194 [T.Vorotnikova, M.Kodzoev, D.Razumovsky, D.Rozenal. Krizis levykh rezhimov v Latinskoy Amerike: vnutrennie imperativy i vneshnaya proektsiya] [Crisis of left regimes in Latin America: internal imperatives and external projection]. PolitikBook, 2017, №4, p. 179—194

²⁵ Т. А. Воротникова. Десять лет спустя. Как изменилась Боливия при Эво Моралесе. – Свободная мысль, № 6, 2016, с. 125-136. [T.Vorotnikova Desjat' let spustja. Kak izmenilas' Bolivija pri Jevo Moralesa] [Ten years later. How has Bolivia changed under Evo Morales].Svobodnaja mysl, №6, 2016. pp. 125-136.

²⁶ А. В. Будаев. «Мягкая сила» Никарагуа: сандинистский проект. — Латинская Америка, 2016, №12, с. 6-21. [A.V.Budaev «Mjagkaja sila» Nikaragua: sandinistskij proekt] ["Soft power" of Nicaragua: project of sandinism]. Latinskaya Amerika, 2016, №12, p.6-21.

²⁷ Л.С.Окунева. Импичмент президента Бразилии: как это было. Латинская Америка. №8, 2016, p. 28-42. [Okuneva L.S. Impichment prezidenta Brazilii: kak eto bylo [Impeachment of the President of Brazil: writing its recent history. Latinskaja Amerika, №8, 2016. p. 28-42.

²⁸ D. R a z u m o v s k i y. Consecuencias económicas de los gobiernos de la izquierda en Argentina y Brasil. — Iberoamerica, 2018, № 1, p. 50-78.

²⁹ А.Н.Пятаков. Весенний Каракас. Взгляд очевидца на надежды и тревоги Венесуэлы. — Латинская Америка, 2018, № 6, с. 46-64. [P j a t a k o v A.N. Vesennij Karakas. Vzgljad ochevidca na nadezhdy i trevogi Venesujely] [The Spring Caracas. An eyewitness' view of Bolivarian revolution troubles and hopes]. Latinskaya Amerika, 2018, № 6, p. 46-64.

³⁰ Z.W.I w a n o w s k i. Poder dividido como causa de la turbulencia política. — Iberoamérica, 2017, № 2, p. 102-123; Политические конфликты в Латинской Америке: вызовы стабильности и новые возможности. М., ИЛА РАН, 2017, 452 с. [Politicheskie konflikty v Latinskoj Amerike: vyzovy stabil'nosti i novye voz-mozhnosti. [Political conflicts in Latin America: the challenges of stability and new opportunities], М., ИЛА РАН, 2017, 452 p.

³¹ Available at: https://www.oas.org/juridico/mla/sp/ven/sp_ven-int-const.html (accessed 15.06.2018).

Andrey N.Pyatakov (anpyatakov@yandex.ru)

Cand. Sci (Politology), Leading Researcher of Center of Political Studies, Institute of Latin America of RAS

President's reelection: parallels, paradoxes, prospects

Abstract. In article are analyzed the results of the Venezuela presidential elections taken place on May 20, 2018. Three key tendencies in that country political life are noted: continuity maintaining combined with the social consciousness' relative depolitization, and the opposition camp fragmentation. The characteristics of the "Falkon's phenomenon" and "Bertucci phenomenon", as new Venezuela political scene signal phenomena, are given. The comparative analysis of six presidential campaigns since the Bolivarian revolution beginning is carried out.

Key words: Venezuela, presidential elections, election campaign, Maduro.